

Вообще быть народнымъ — значило бы для Жуковского отказаться отъ романтизма, — а это для него было бы все равно, что отказаться отъ своей природы, отъ своего духа, словомъ, — отъ самого себя. Въ «Громобой» Жуковский тоже хотѣлъ быть народнымъ, но, наперекоръ его воли, эта русская сказка у него обратилась какъ-то въ нѣмецкую — что-то въ родъ католической легенды среднихъ вѣковъ. Лучшія мѣста въ ней — романтическія, какъ, напр., это:

Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ украситъ Божій свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распыленная душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

«Вадимъ» весь преисполненъ самымъ неопредѣленнымъ романтизмомъ. Этотъ «Новгородскій рыцарь» ѣдетъ, самъ не зная куда, руководимый таинственнымъ звонкомъ... Онъ долженъ стремиться къ небесной красотѣ, не обольщаясь земной. И вотъ для обольщенія его предстала ему земная красота въ образѣ кievской княжны...

Лазурны очи опустя,
Въ объятіяхъ Вадима
Она, какъ тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что съ невинною душой
Сбылось — не постигала:
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнувъ, трепетала;
Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.
А витязь?.. что съ его душой?..
Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шолкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлитыхъ,
И свѣжій блескъ ланитъ молодыхъ,
И устъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и тихій гласъ,
И милое смятенье,
И ночи таинственный часъ,
И вокругъ уединенье —
Все чувство разжигало въ немъ...
О власть очарованья!
Уже исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рѣли;
И все... но вдругъ смутился онъ,
И въ радостномъ волнении
Затрепеталъ... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленіи;
И долго жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;

И кто-то. чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстный;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало..
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ,
И небо зашумѣло..
Вадимъ взглянулъ — призракъ исчезъ
А въ вышинѣ.. звенѣло,
И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится...

Колокольчикъ, какъ видите, зазвенѣлъ очень кстати... Вадимъ отказался отъ кievской княжны, а вмѣстѣ съ ней и отъ кievской короны, освободилъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ и на одной изъ нихъ женился. Но что было потомъ и кто эти дѣвы и что съ ними стало — все это осталось для насъ такой же тайной, какъ и для самого поэта... Право, намъ кажется, что напрасно отказался Вадимъ отъ кievской княжны. Это напоминаетъ намъ фантастическую сказку Гофмана — «Золотой Горшокъ»: тамъ студентъ Ансельмъ, цѣной многихъ лишеній и сумасбродствъ, добывается до неизрѣченного блаженства обнять вмѣсто женщины — змѣю, которая, какъ ловкая, увертливая змѣя, и ускользаетъ изъ его рукъ... Вадимъ, кажется, обнялъ еще меньше, чѣмъ змѣю, обнялъ — мечту, призракъ. Но зато онъ былъ вѣренъ до гроба своей мечтѣ... И то не малое утѣшеніе!...

Содержаніе «Ундины» взято Жуковскимъ изъ сказки Ламота Фуке; но въ стихахъ Жуковского обыкновенная сказка явилась прекраснымъ поэтическимъ созданіемъ. «Ундина» — одно изъ самыхъ романтическихъ его произведеній. Основная мысль ея — олицетвореніе стихійной силы природы. Ундина — дочь воды, внучка старого Потока. Нельзя довольно надивиться, какъ искусно нашъ поэтъ умѣетъ слить фантастическій міръ съ дѣйствительнымъ міромъ, и сколько заподвѣдныхъ тайнъ сердца умѣлъ онъ разоблачить и высказать въ такомъ сказочномъ произведеніи. По красотамъ поэтическимъ «Ундина» есть такое созданіе, которое требовало бы подробнаго разбора, и потому мы ограничимся указаніемъ на одно изъ самыхъ романтическихъ мѣстъ этой поэмы:

Какъ намъ, добрый читатель, сказать: къ сожалѣнію, или къ счастью, что наше Горю земное не надолго! Здѣсь разумѣю я горе Сердца глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ потеряннымъ благомъ сливается
Насъ во-едино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть — вдвоемъ бытіе, а жизнь — порывъ неистощимый
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ